

Волчья корона

Автор:

Ульяна Соболева

Волчья корона

Ульяна Соболева

Я не хочу быть его рабыней! Я хочу большего! Я хочу стать той, кем никогда не была для него до меня ни одна женщина... Но за мечты приходится очень дорого платить. Иногда за мечту с тебя снимут кожу до костей и превратят твое сердце в пепел. Превратит тот, кому больше всего доверяла, кого любила больше жизни. Каково это любить зверя и быть любимой им? И любовь ли это – или сама смерть смотрит на меня ЕГО глазами? Больше жестокости, больше вывернутых наизнанку эмоций, слез, боли и крови, много грязного "волчьего" секса! 21+ за жестокость и откровенность. Единороги не просто сдохли, они уже истлели. Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Волчья корона

Сага о волках 2. Волчья корона

Ульяна Соболева

Аннотация:

Я не хочу быть его рабыней! Я хочу большего! Я хочу стать той, кем никогда не была для него до меня ни одна женщина... Но за мечты приходится очень дорого

платить. Иногда за мечту с тебя снимут кожу до костей и превратят твое сердце в пепел. Превратит тот, кому больше всего доверяла, кого любила больше жизни. Каково это – любить зверя и быть любимой им? И любовь ли это – или сама смерть смотрит на меня ЕГО глазами?

Глава 1

Эмоции и привязанности – это самая большая наша слабость. Они оттягивают нас назад, не позволяя хладнокровно мыслить на несколько шагов вперед...

У. Соболева и В. Орлова. Позови меня

Я больше никого и ни о чем не спрашивала. Все равно никто не отвечал на мои вопросы. Да, думаю, и не ответят. Только что моя жизнь снова оборвалась. Как и в тот раз, когда меня увезли на машине в неизвестном направлении... Так и сейчас. Меня отдали. Вот этим людям в черных костюмах с бледными лицами, в затемненных очках. Они похожи на призраков, настолько у них бледная кожа и восковые лица. В голову пришла мысль о том, что они тоже НЕ люди. Подумала об этом, и стало очень страшно. Почему-то там, в том доме я не боялась. Я знала, кто такой Вахид, и не испытывала такого адского панического страха, как рядом с ними... с этими ледяными до дрожи красивыми изваяниями, словно высеченными из камня. От них веяло смертью. Как будто их одежда пропиталась этим запахом и распространяла невидимые флюиды, заставляя мою кровь стечь в жилах. Инстинктивное понимание, что они... если и другие, то отличаются от Вахида. Его тело всегда было горячим, от него исходил жар, от него, казалось, и моя кожа может загореться.

– Куда меня везут? – все же переспросила я, и неожиданно мне ответили. После того, как я истерила словно последняя идиотка, – Верните меня обратно... Мой господин будет искать меня. Я не принадлежу вам. Я наложница императора Вахида!

Глупо было это говорить и видеть перед собой снова и снова его силуэт в окне. Как наблюдает за тем, что меня увозят. На его глазах.

– Вас продали. Теперь у вас другой господин. Сидите тихо и больше не задавайте вопросов.

Нет...Нет-нет-нет. Этого не может быть. Продали? Вахид...он меня продал? Но как? После всего, что между нами произошло? После того, как я в исступлении целовала его пальцы, пахнувшие нашим сексом, целовала его лицо, его глаза, после того, как я сгорела от дикой страсти в его руках, продал? Кому?

«Не обольщайся, эскама! Ты всего лишь вещь! Всего лишь жалкий и никчемный человеческий ресурс, который даже в качестве ресурса никому не нужен»

Голос Роксаны прозвучал в ушах и заставил поморщиться. Мне стало холодно. Двое...этих призраков, охранявших меня, от них все сильнее исходил могильный холод. Тяжело дыша, посмотрела в окно. Мир внезапно стал совершенно другим. Он словно окрасился в мрачные бордовые тона...как потемневшая кровь, и я чувствую, как собственные слезы слепят меня, как жгут мне глаза.

Всего лишь на раз...всего лишь жалкая и ненужная вещь, которую...просто продали. Использовали и избавились. Даже не игрушка. Даже с игрушками так не поступают. Лучше бы сломал сам и выбросил, чем вот так...отдать неизвестно кому.

Вспомнила снова силуэт у окна, как смотрел мне вслед. И только сейчас начала понимать, насколько жестокий и равнодушный зверь все это время сводил меня с ума своей адски прекрасной внешностью. Он просто пожирал мое горе, недоумение, мои слезы. Вот почему смотрел...наслаждался моей агонией.

«– У каждого из нас свои способности, Лана...Каждый чем-то выделяется. Вместе с жутким проклятием перевоплощения есть и свой дар. Я вижу человека насквозь...вижу ложь, правду, боль. Меня нельзя обмануть. С этим очень тяжело жить. Особенно когда знаешь истинные эмоции твоих близких.

Айше говорила очень тихо и вкрадчиво. В этот вечер она выглядела особо прекрасно, и пока был не виден ее горб, казалась маленьким ангелочком.

– А Вахид?

– Вахид имеет один из самых мрачных даров. Он питается эмоциями. Он может вывести на них и сжирать в самом примитивном смысле этого слова. Но самые вкусные для него боль, слезы, страх, агония...оргазм, смешанный с болью.

– Там... в столовой. Он питается именно этим?

– Да! Выводит жертву на эмоции и пожирает их, выпивая вместе с жизнью. Ты любишь жуткого зверя, Лана. Осознаешь ли ты, насколько это опасно для тебя?

– Осознаю...

– Однажды эта любовь может стать для тебя фатальной...она может убить или покалечить.

– Пусть...лишь бы ненадолго узнать, что это такое – любить ЕГО и прикасаться к его глазам...

– Вахид может сожрать тебя и не оставить даже костей»

А он не сожрал. Он просто избавился. Отдал в чье-то пользование. Уж лучше бы убил. Лучше бы вырвал мне сердце, лучше бы сломал мне шею или забил насмерть, чем вот так...Какое унижительное равнодушие. Эти мысли сводили с ума, впивались ледяными клещами в виски и раздирали их, до кровавых борозд изнутри, до кровоточащих ран в изорванном сердце.

Вахид нанес мне сокрушительный удар...вот он самый первый удар безответной любви...когда ты из-за пелены восторга и самой первой огненной страсти не видишь истины, не понимаешь ее, не ощущаешь масштабы той бездны, в которую ступила сама и сорвалась, чтобы разбиться насмерть на ее дне. Потому что вдруг поняла, что он делал рядом со мной...почему не убил. Вахид просто использовал меня, я стала для него источником удовольствия, как блюдо, как обыкновенная еда. Вначале он вкусил моей любви, моей страсти, потом мое наслаждение...а затем приступил к самой вкусной трапезе – больше всего ему понравилось обглаживать мою боль, мое унижение, мой ужас и мою агонию.

Злое чудовище, натешившись, отдало другому. На съедение или на забаву. Наверное, я скоро об этом узнаю. Но где-то в подсознании я все еще ждала, что он придет и заберет меня. Я верила в это. Пока машина не углубилась все дальше в лес, все глубже, пока сумрак не начал окутывать окна и виться клубками тумана между деревьями. Внезапно автомобиль затормозил, и те, кто охраняли меня, напряглись. Они к чему-то принюхивались. Или мне так казалось... Один из них поднял руку вверх, а водитель и второй несколько раз обернулись по сторонам. Впереди и сзади затормозили другие машины. Значит меня сопровождают сразу несколько... Но меня ли? В руках одного из призраков был чемодан со сложным замком с цифрами возле ручки. Он вцепился в него двумя руками и снова посмотрел на своего напарника.

- Мне кажется, или я ИХ слышу?

Он сделал ударение на ИХ, и у меня по коже пробежали мурашки.

- Тебе не кажется. Мы все ИХ слышим.

И один, и второй достали из-за пояса пистолеты и щелкнули затворами, целясь в окна.

- Что происходит? - тихо спросила я.

- Заткнись! - зашипел на меня один из них и оскалился, я увидела, как у него во рту блеснула пара острых и длинных клыков. От ужаса я отшатнулась назад и выдохнула.

- Они приближаются...

Глава 2

Я хотела продолжать его видеть. Картинка за картинкой, кадр за кадром, строчка за строчкой. Он эгоистично вытеснял всех остальных, он словно пользовался своей властью надо мной. Я создавала чудовище. Монстра. Жуткое

животное с инстинктами хищника и убийцы, и, не испытывая ни одной иллюзии насчет этого порождения зла, я все же сходила по нему с ума.

У. Соболева и В. Орлова. Позови меня

Чужой страх ощущается на расстоянии, и мне было по-настоящему страшно. Я не понимала, что происходит, и чувствовала ужас тех, кто находился рядом со мной. Особенно понимая...что они не люди. И если не люди чего-то боятся, то что говорить мне? Человеку. Медленно выдохнула и сцепила пальцы. Взгляд остановился на освещаемых фарами густых и высоких деревьях. Их макушки уходили прямо в черное небо и сливались с ним и с темнотой. Зловеще шелестели листья...но еще сильнее настораживали тонкие щупальца тумана, окутывающие стволы и кроны деревьев. Этот туман был таким же, как и тогда, когда я оказалась ночью во дворе дома. Когда за мной везде захлопнулись двери, и я осталась один на один с жуткой тьмой и прячущимися в ней чудовищами.

Тяжело дыша, вжалась в сиденье...Пока не услышала леденящий душу вой, и перед машиной, судя по звуку, упало что-то огромное, скрип тормозов, и мы уже стоим на месте. Мои стражники испуганно оглядываются. Они уже не просто напуганы, они в панике.

- Нам преградили дорогу! Твою мать! Разве нам не обещан проезд через лес?! Безопасный, сука, проезд. Без встречи с этими ублюдками!

Они переглянулись, из машины никто не вышел. Стало совсем тихо. Так тихо, что я слышала, как бьется мое сердце.

- Тихо...тебя слышно. Они очень близко. Нас окружают...и мне кажется, это не пограничники. Звуки шагов слишком тяжелые. Это...большие лапы.

И он судорожно глотнул воздух, хватая меня за локоть и разворачиваясь прямо ко мне. Он больше не прятал свою сущность. Она прорезалась сквозь человеческие черты. Его лицо заострилось, стало серовато-белым, глаза поблескивают фосфором, и отвратительно раздуваются ноздри. Он словно

втягивает мой запах и борется сам с собой. Я ощущаю и вижу, как выделяется его слюна и какими красными стали губы. Эта тварь борется с каким-то низменным желанием. И нет...это не похоть. Это нечто более страшное и первобытное. Так выглядит смерть в чьих-то глазах. Именно так она выглядывает украдкой и показывает, что на самом деле находится всегда слишком близко.

- Ты сейчас вместе со мной уйдешь в лес. Хотя бы звук услышу - перегрызу тебе глотку, поняла?

Испуганно кивнула...а когда увидела белоснежные клыки и вспыхнувшие зеленым фосфором глаза, судорожно всхлипнула. На ум приходило одно...таких тварей я видела в кино, я читала о них. Но у меня и в мыслях не было, что они существуют в нашем мире. Мои стражники были похожи на вампиров. Только не на тех романтизированных красавчиков из Сумерек и Дневников...а настоящих злобных, плотоядных убийц, в которых нет ничего человеческого.

- Сука...ее сердце не просто тарахтит, оно как набат гремит, как гребаная сирена! Ты уверен, что она нужна нам живой? Я бы сожрал ее. Сами мы уйдем намного быстрее...

- Нет! Ты никуда уже не уйдешь. Машина окружена. Их много...и это не обычные ликаны...

- Думаешь, это ОНИ?

Раздался оглушительно громкий вой, и они оба вздрогнули.

- Не думаю...я в этом уверен. За нами пришли сами горные...элита.

- Какого хера? Разве не они заключили с нами сделку?

- Не знаю...они, может, и заключили, но что-то пошло не так. Здесь целая стая, и они нас не пропустят. Б*ядь! Твою ж...смотри!

Он показал пальцем на лобовое стекло, и теперь и я увидела. Несколько невероятно крупных волков. Они размером почти с машину каждый. Их глаза

светятся в темноте красным. И я понимаю, что именно таких я видела тогда во дворе дома Вахида.

- Чего хотят? Б*ядь...нас сейчас перегрызут, как младенцев. Яд горных не излечивается даже самым сильным противоядием чанкров. Это будет конец!

- Им что-то нужно...если бы хотели напасть, уже напали бы.

- У меня приказ - охранять сучку человеческую даже ценой своей жизни.

- Доставай оружие...попробуем отстреляться. Хрусталь есть?

- Да. Нас хорошо укомплектовали.

Но едва он успел достать оружие из-за пояса, как на машину сверху прыгнули, а один из волков бросился на лобовое стекло и выбил его тяжестью своего тела. Я громко закричала. Все происходило слишком быстро, настолько быстро, что я лишь успела заметить, как по траве покатила чья-то голова, а мне на колени упала кисть руки, и я с диким воплем отшвырнула ее в сторону и выскочила из машины.

Я бежала. Быстро, изо всех сил. Куда-то в самую чащу, даже нельзя сказать «куда глаза глядят», потому что здесь слишком темно. И я совершенно ничего не вижу. Словно во сне. Когда мчишься вперед... а на самом деле будто стоишь на месте, а вместо крика твой рот открывается, но не издает ни звука.

Позади меня раздались выстрелы. Послышался грубый и низкий скулеж...а потом звериный рев, смешавшийся с леденящим душу воплем и звуками...как будто что-то рвется, ломается, чавкает.

И я бегу со всех сил, потому что теперь мне кажется, что меня преследуют те...другие, которых так испугались клыкастые нелюди. Вой слышится позади меня, как и хруст веток, ломаемых кем-то очень огромным, кем-то, кто мчится за мной по пятам.

Сквозь черные листья пробиваются бледно-мертвенные лунные лучи, и я, задрав голову, вижу, как полная луна выплывает из-за туч и ослепительно светит с

черного неба. Что-то хрустнуло совсем рядом, и я замерла, закрывая глаза и тяжело дыша. Позади меня кто-то есть. Оно огромное, оно тяжело дышит, и я ощущаю звериный смрад вперемешку с запахом мокрой шерсти. Сейчас меня просто раздерут на куски...как тех вампиров в лесу. Вспомнила ободранную руку у себя на коленях и вздрогнула.

Он смутно мне что-то напоминает...но страх не дает даже думать, не дает шевелиться. Я ощущаю, как меня нюхают, как трогают мои волосы, как щекотно прикасается к спине звериное дыхание.

Зверь зарылся мордой в мои волосы, и я с ужасом обернулась. Увидела невероятных размеров морду со светящимися красными глазами и хотела закричать, но не смогла. Меня сковывал панический ужас, и в то же время я уже видела эту тварь...я видела его там, когда пряталась во дворе дома Вахида. Они...они служат этим зверям или звери служат им? Или...эта мысль еще не воспринималась моим мозгом, пока взгляд волка не потух..., и я не увидела, что его глаза светло-зеленые. Такие же как у...сердце зашло. Какие-то доли секунд мы так и стояли друг напротив друга. Я и огромный волк, в холке чуть выше ростом меня самой. А если станет на задние лапы, я буду ему по пояс. У него большие черные зрачки, светлая радужка с темно-изумрудными вкраплениями и золотыми прожилками.

Страшная морда приблизилась к моему лицу, и я сильно зажмурилась, стискивая руки в кулаки. Ощутила, как меня обнюхивают, как щекотно цепляется горячее дыхание зверя о воспаленную кожу. Ткнулся носом мне в шею, и что-то шершавое прошло по моей щеке, задело ключицу.

Медленно приоткрыла глаза и вздрогнула, встретившись с глазами зверя, он опустил, пригибая передние лапы, словно...словно призывая меня влезть к себе на спину. Фыркнул, толкая меня мордой. И я... я доверилась этому ощущению внутри себя. Этому какому-то четкому пониманию, еще неосознанному и не принятому мозгом. А сердце уже бьется, оно захлебывается идиотской радостью, хотя разум еще и не верит. Я сошла с ума. Окончательно, совершенно сошла с ума. Этого ведь не может быть...может...может. Эхом отзывается подсознание.

Когда забралась на лохматую, жесткую спину и впилась руками в шерсть на холке, зверь поднялся на четыре лапы, обернулся, бросив на меня взгляд, и вдруг сорвался с места, и помчался по лесу, расшибая ветки, прыгая из стороны

в сторону. Он уносил меня подальше от машины. Куда-то в сторону горных вершин.

Страх сменялся кипящим в венах адреналином, и я силой обняла волка за шею, прижимаясь всем телом к его спине. Я узнала этот запах...узнала ощущение шерсти под ладонями...

Я смотрел на огонь, на языки пламени в камине, а перед глазами подрагивало ее лицо. Нежное, утонченное, обрамленное длинными волосами. И мне, тому, кто никогда не замерзает, мне вдруг стало отвратительно холодно.

Когда-то давно, когда я проходил коронацию, стая ушла высоко в горы, и меня ожидал бой с медведем-оборотнем, превосходящим меня в три раза по своему росту и силе. Гризли в нашем мире почти не остались, потому что никогда не были подконтрольны, не имели стаи, нападали и нарушали законы маскарада. Их уничтожали. Мы, горные волки, отвечали за истребление всех Гризли в своей округе.

Я не стану описывать схватку, я даже не стану вспоминать ее, потому что тогда реально попрощался с жизнью и был уверен, что огромная бурая махина раздавит меня, а потом щелкнет мою голову в своей пасти, как орех. Помню, как висел, цепляясь лапами за ледяные глыбы, висел над пропастью, истекая кровью, и понимал, что я уже почти труп...У меня оставался только один выбор – смириться и падать в бездну, рассчитывая, что каким-то образом выживу и не напорюсь на хрустальные штыри на ее дне. Либо рвать вперед...а рассвет уже близко, и когда я стану человеком, Гризли все еще будет оставаться медведем, потому что их обращение затягивается ровно на семь дней.

Но я рванул. Потому что подышать не входило тогда в мои планы. Помню, как оборонялся, как насккивал на тварь, превосходящую меня в десятки раз, и заманивал его самого к обрыву...пока не показались первые лучи солнца, и меня не начало выламывать, заставляя превращаться в человека. Это был конец. Это осознавали и я, и Гризли, который решил подождать обращения, чтобы сожрать меня в один миг. Это было его ошибкой.

Человеку удалось сломать ветку и вонзить в глаз Гризли, а потом столкнуть его на хрустальные штыри. Зверь упал в пропасть, долго агонизировал, пока внизу не осталось распростертое и продырявленное человеческое тело, с оскаленным ртом и торчащими из груди и из головы пиками, с которых стекала гранатовая жидкость и сверкала на солнце. Я, совершенно голый, шел по снегу вниз по горам к своей стае, которая уже похоронила меня и, скорее всего, спустилась на плато к замку...Истекая кровью, волоча за собой разодранную ногу, я понимал, что человек не выдержит, что регенерация не настанет, пока я не выпью крови. Я замерзну насмерть в этих горах и в этом лесу и не дотяну до ночи, когда зверь возьмет верх над слабой плотью.

Тогда я еще не владел способностью звать зверя и давать ему возможность поглощать людскую сущность в любое время суток. Мне было четырнадцать. Я шел, потом полз, потом лежал и стонал от жуткого холода, боли и отчаяния, пока не понял, что если так и останусь лежать, смиренно, покоряясь судьбе, то уже через час превращусь в кусок льда. И я начал призывать волка...я начал представлять себе, как он вырывается на волю, как разламывает мои кости, как рвет сухожилия, чтобы потом они срослись заново. Пока сам не услышал треск выворачивающихся костей и не завыл от триумфа.

Петляя и ковыляя, победивший Гризли Альфа вернулся в свою стаю...туда, где все в человеческом облике тихо сидели за столом...готовились к траурным песнопениям. Я вошел в залу и победно завыл.

С тех пор я больше никогда не испытывал холода и никогда не смирялся с судьбой, потому что судьбу вершим мы сами. И ни одна живая душа не может управлять нашей жизнью кроме нас самих... а если и управляет, то значит мы это позволили. Как бы ни был силен мой зверь, человек придавал ему еще большей силы разумом. Сила без разума – ничто...когда разум без силы всегда имеет шансы на победу. И вот сейчас, глядя на огонь, я снова замерзал, я снова ощущал, что я бессилён, что...я, б*ядь, не могу ничем управлять и принимать решения. И я не знал, насколько меня хватит. Насколько долго я смогу представлять себе, как ее увозит машина, как она отдаляется от меня. Представлять, кто теперь распорядится ее судьбой...МОЕЙ ЖЕНЩИНЫ! Женщины, которая не испугалась и выдержала моего волка, женщина, которая отдалась зверю без страха. Я слушаю потрескивание веток в камине и вспоминаю каждую секунду рядом с ней. Ее глаза, такие голубые, яркие, нежные и светлые, как куски весеннего неба. Ее губы, которые касались клочков шерсти с невероятной страстью.

Я понимал, что проиграл. Меня переиграли и заставили отдать, заставили поступиться и, склонив голову, позволить. Хрена с два! Ничего подобного! Решаю я и только я!

И решение было мгновенным, как и обращение...молча, без рыка и стонов, только под шелест ломающихся суставов, проломить тушей окно и прыгнуть в снег всеми четырьмя лапами. А потом увести за собой своих преданных волков, свою стаю, готовую за альфу сложить головы. Пятеро верных воинов. Не нужно ничего говорить, только призвать кличем вожака, стоя у кромки Черного леса. Призвать и ждать, пока в темноте заблестят, зафосфорятся глаза соратников, и они беспрекословно последуют за тобой.

Приказы, отданные человеком, можно обсудить, приказы, отданные альфой, не обсуждаются. Это зов волчьей крови. Он сильнее всего, что может связывать. Зов принадлежности к стае.

Без разговоров мы их заманивали в ловушку. Туда, откуда никто из них не выйдет живым, и где останутся одни трупы, которые к утру занесет снегом.

Вампиры сопротивлялись, они даже оголили мечи и достали пистолеты с хрустальными пулями, но что такое пять вампиров против шестерых волков, которые на своей территории и в облике зверя. Один взмах наших когтей, одно касание клыков, и вампир заражен смертельным ядом, против которого нет противоядия. Даже если он не сдохнет от укусов сейчас, то сдохнет в мучительной агонии в течение нескольких суток.

Пока мои ребята расправлялись с ничтожными упырями, я мчался за ней. Искал в черном лесу по невероятному сладкому запаху, отличавшему ее от любой другой смертной. Единственную, кого зверь не хотел сожрать...Нет, не так, он хотел, адски хотел, но никогда бы не стал. Потому что в отличие от человека, зверь любил ее и не умел скрывать свои чувства, не умел их контролировать, он был полностью им подвластен и признавал ее своей хозяйкой...один ее запах управлял им и заставлял склонять мохнатую голову, касаться шершавым языком ее щек и втягивать, и втягивать аромат тела. Всем своим существом осознавая – МОЯ.

Увести туда, где человек сможет о ней позаботиться, увести как можно дальше и никогда больше не отпускать. В конце концов, я – император, и я решаю. Никто

и ничто не посмеет отдавать мне приказы. Эта женщина принадлежит мне!

Никогда и никому альфа-самец не позволял сесть себе на спину, не подпускал к себе человека настолько близко, а перед ней склонился и позволил, а потом возликовал, ощущая легкую тяжесть тела и то, как тонкие руки обвили звериную шею. Доверилась! Мне! Монстру!

Я нес ее к старому охотничьему дому, туда, где ни одна живая душа нас не найдет. Туда, где она наконец-то точно узнает, кто я такой...

Глава 3

Тот самый момент, когда я перестала принадлежать себе. Не свобода, а рабство, наркотический кайф больной зависимости. Самое ее начало, когда еще можно излечиться, но ты еще просто не понимаешь, что уже больна.

У. Соболева и В. Орлова. Позови меня

Я крепко держалась за черную грубую шерсть, пока волк мчался через лес, петляя вокруг деревьев, утаскивая меня все глубже и глубже в чащу.

Мы оказались напротив одноэтажного деревянного домика, очень низкого, присыпанного ветками хвои и других деревьев. Небольшие окошки смотрят черными глазницами, чуть покосившаяся дверь, старый колодец рядом. Выглядит устрашающе. Дом явно заброшен и очень стар. Волк сбросил меня со своей спины так, что я приземлилась в снег...Он приблизился ко мне вплотную и ткнулся носом мне в щеку, лизнул ее снизу доверху. Нет, это не было лаской. Скорее меткой, он оставлял на мне свой запах, потому что облизал мою голову, руки и шею. При попытке отстраниться я услышала тихий утробный рык. Меня предупреждали, чтоб не сопротивлялась, и я позволила облизать свои ноги, колени, бедра.

Все это было каким-то сюрмом, чем-то неопишимо страшным и непонятным. Потихоньку вздрагивая и стараясь не дышать прерывисто и глубоко, я смотрела

на своего то ли спасителя, то ли убийцу и видела, как он облизнулся, а потом задрал массивную морду кверху и взвыл. Оглушительно, ярко, сильно. Так, что зазвенело в ушах, и по телу поползли мурашки, и, казалось, этот вой спрятался в макушках старых елей и запутался среди переливающегося снега. В ответ издалека с разных сторон раздался ответный вой. Все это длилось какие-то секунды, и голоса волков стихли.

Монстр обнюхал мои руки, потом схватил за рукав и потянул за собой в сторону дома, но я не пошла...я тихо спросила:

- Почему ты спас меня? Ты...ты понимаешь, что я говорю?

Почему-то казалось, что понимает, почему-то хотелось в это верить. Особенно когда эти ярко-зеленые звериные глаза смотрят в мои, не моргая. Снова дернул за рукав, и я подчинилась, пошла следом за ним в сторону дома.

- Ты уверен, что это хорошая затея? Уверен, что там нет хозяина? Что там не прячется что-то жуткое и ужасное и не нападет на нас.

Я могла поклясться, что зверь...он словно ухмыльнулся, оскалив передние клыки. Как будто говоря мне, что самое жуткое и ужасное существо сейчас передо мной.

- Хорошо...идем. Посмотрим, что там. А то я уже замерзла.

Я дернула дверь, но она не поддалась.

- Закрыто. Нам сюда не войти.

Зверь наклонил голову и толкнул носом соломенный коврик, рванул его массивной лапой, и я догадалась наклониться и отодвинуть его в сторону. Под изорванным и полустертым половиком лежал ключ. Предсказуемо...но я бы не догадалась от страха и от того, что уже сильно замерзла. С трудом справляясь с ключом, отперла дверь, чуть пригнулась и вошла в хижину, волк остался снаружи.

В хижине оказался камин, большая кровать, застеленная белым мехом, весь пол обтянут оленьими шкурами. Сбоку у камина полная дровница. Только я не умею разжигать очаг, никогда этого не делала. В отчаянии поняла, что я все равно сильно мерзну. У меня даже спичек нет. Какое-то время я посидела на краешке кровати... а потом резко встала, понимая, что скоро окоченею, и распахнула дверь, зверь тут же поднял огромную морду.

- Мне холодно..., - тихо сказала я и опустилась рядом с ним, ощутив, как из пасти на меня пахнуло звериным ароматом и жаром его дыхания. От тела волка исходило тепло, и я невольно приблизилась...чувствуя, как он на меня смотрит.

- Ты же не съешь меня, если я посижу вот здесь с тобой?

Волк отвернулся, укладывая морду на лапы, а я прижалась к его боку такому горячему, погрузила пальцы в жесткую шерсть, содрогаясь от благодатного тепла. От прикосновения и зверь вздрогнул.

- Холодные руки? Прости.

Сама не заметила, как прижалась к нему всем телом, согреваясь и привыкая к страшному звериному запаху, склонила голову, укладываясь ближе к плечу. Утром можно будет уйти отсюда. Утром я найду спички или придумаю, как разжечь костер, потому что ночью я даже найти ничего не могу. Кажется, я задремала, проснулась от того, что на меня кто-то смотрит...Волчий взгляд забирался прямо в душу, пронизывал насквозь, проковыривал во мне дыру, приковывая к себе, не давая отвернуться. Хищник знает, что стократно превосходит меня по силе. А я не знаю, почему я до сих пор жива.

Да, он спас меня от вампиров...но это не давало ровным счетом никаких гарантий и не отменяло моего суеверного ужаса перед монстром.

И вдруг он весь вздернулся и вскочил на четыре лапы, принюхиваясь и вглядываясь в темноту. Все его огромное тело, покрытое красивой, блестящей черной шерстью, охватила секундная дрожь. Слово прошлась по нему волной. Он напрягся, чуть склонил голову вперед, оттесняя меня своим массивным телом к двери хижины.

Я ничего не вижу...но видит и слышит он, и от этого еще страшнее. Толкнул меня мордой, словно заставляя уйти в дом. И я послушно попятилась туда, закрывая за собой дверь. Я так ничего и не услышала, тяжело дыша подошла к окну.

При свете луны мне видно, как огромная фигура волка стоит на поляне. Огромный, сильный, готовый в любой момент к прыжку. А потом я заметила их. Людские фигуры в черном с заостренными кверху ушами, их было с несколько десятков, и они приближались к нему с разных сторон. Они ползли мерзко на четвереньках, окружая его, пока не накинулись всей стаей. Я не знала, что это за твари, я только видела, как он раскидывает их в стороны, как насекомых, видела, как отлетают руки и ноги, как покатились в сторону дома голова..., охнула и бросилась к постели, зарываясь в покрывало, обнимая перины руками, пряча в них лицо и стараясь унять адскую дрожь во всем теле. Как будто бы сам ад спустился на землю. Мне холодно...мне так ужасно холодно.

А если они...если они победят, эти твари, так похожие на людей? Что будет со мной?

Замерзая, дрожа всем телом, я не поднимала головы...пока вдруг не услышала, как с треском открылась дверь, меня схватили за платье и сдернули на пол. Почуяла дыхание зверя и выдохнула с радостью, с облегчением, позволила стянуть себя на пол и опутать свое тело собой, он словно подмял меня под себя, согревая, руки невольно обхватили массивную шею, и тут же одернула их, ощутив нечто липкое...посмотрела на ладонь – кровь. Вскрикнула, но он не дал мне даже пошевелиться, снова подмял лапами и мордой, так, что я оказалась словно в коконе.

Я больше не пыталась вырваться, я пригрелась рядом с ним и начала засыпать, пока окончательно не провалилась в сон.

Меня разбудил хруст и рычание, похожее на глухой стон боли.

Когда открыла глаза, я от ужаса даже не смогла закричать. То, что я увидела...

Я видела то, что не поддавалось никаким объяснениям, то, что не могло быть объяснено никакими силами природы. Нечто жуткое и одновременно прекрасное.

Это не было похоже на то, что я наблюдала в комнате Айше...тогда я могла только предполагать, только догадываться, но не видеть вживую самое странное и невероятное таинство, противоречащее всем законам человечества и природы.

Под дьявольское рычание, смешанное почти с человеческими стонами...на моих глазах волк обращался в нечто иное. Трещали кости, я слышала этот треск и видела, как они выгибаются, как выламываются в сторону, так, как никогда не гнутся ни у животных, ни у людей. На моих глазах вспарывались пальцы, и когти засовывались обратно внутрь крайних фаланг. Выкручивались ноги, выламывало назад, вперед голову, и ломались суставы. Я видела, как врастает обратно под кожу шерсть, как она прячется клоками, и жуткое существо на полу извивается, дергается, мечется...пока на страшной морде не начали вырисовываться человеческие черты. Уши становились меньше, округлялись, челюсть задвигалась назад, нос трансформировался и становился меньше, обретая красивые очертания. Я чуть не закричала, когда глаза резко открылись, и прямо по радужкам и белкам слезла пелена, вначале обнажая чисто белые, закатившиеся яблоки, а потом постепенно под пленкой начали проявляться ярко-зеленые и до боли знакомые мне глаза...Трансформация происходила очень быстро. Когда я уже поняла, кто лежит передо мной...он еще не был полностью человеком, но я узнала, и сердце тревожно и болезненно забилося в груди.

Вахид...Это Вахид. И теперь я точно знаю. Что он оборотень. Точно знаю, что страшный зверь, который спас меня два раза, был мужчиной, которого я успела безумно полюбить. За что? Кто знает? Разве любить нужно за что-то, разве сумасшествие, которое зарождается под кожей, сумасшествие, которое заставляет ваше сердце стать перед кем-то на колени, появляется по какой-то причине? Нет...любят вопреки, любят, потому что именно этот мужчина или женщина заставляет душу сойти с ума. Любят того, кого любить нельзя и опасно.

Он затих. Совершенно голый, лежащий на спине, раскинув ноги и руки, и я могла видеть его великолепное тело во всей красе. Я опустила на колени рядом с ним на пол, застеленный толстым ковром.

Тяжело дышит, покрытый бисеринками пота. Обращение явно отняло много сил. И мне не верилось, что этот человек, этот невероятно красивый мужчина всего несколько минут назад был волком. Огромным, невероятно сильным и лохматым

зверем. Зверем, который дрался за меня, и зверем, на боку которого виднелся длинный багровый порез. Из него сочилась кровь прямо на ковер. Я растерянно оглядывалась по сторонам...от такой раны он, наверное, может умереть или истечь кровью. И вдруг вспомнились слова Айше...

«Твоя кровь регенерирует мои ткани, мои кости и сухожилия, она целебна для меня, как нектар жизни. Ты невероятная драгоценность, Лана...ты даже не представляешь насколько. Только ты спасаешь меня от мучительной боли...»

Я вспомнила, как Айше приносили мою кровь в маленькой золотой рюмке, и она пила ее мелкими глоточками, блаженно закатывая глаза. Что, если это сработает не только с Айше...

Я снова осмотрелась по сторонам в поисках острого предмета, заметила нож возле стола, вскочила, схватила его и быстро полоснула себя по ладони, моя кровь брызнула и потекла по запястью. Я снова упала на колени, поднесла руку к лицу Вахида...прижала к его рту.

- Прошу тебя...пусть это сработает...пусть. Пожалуйста.

И вдруг ощутила, как в плоть вгрызлись его зубы, но руку не отняла, продолжила держать у рта, закатывая глаза от боли и стараясь не закричать. Увидела, как дернулись веки, как они поднялись вверх, обнажая желто-зеленую радужку и вертикальные узкие зрачки. Они расширились по мере того, как зубы вгрызались в плоть, и вдруг сфокусировались на мне. Хватка зубов ослабла мгновенно... я ощутила, как по ране прошелся его язык...Наши взгляды сплелись так же тесно, как сплетаются рты в поцелуе. Я не могла оторваться, меня затягивало в звериный зрачок, и я летела в космос навстречу бешеным звездам, а потом его глаза очень медленно закрылись.

Я отняла руку и с удивлением увидела, что на ней нет даже шрама от пореза. Тут же посмотрела на огромную рану на боку... а она вдруг начала затягиваться прямо на моих глазах, пока совсем не исчезла. Какое-то время я смотрела то на свою руку, то на его бок...ничего не понимая, ощущая только легкую слабость и какую-то протрацию. Чувствуя, как темнеет перед глазами, я опустила голову к нему на грудь, и все тело стало ватным и невесомым.

Когда открыла глаза, солнце уже пробивалось сквозь толстые занавески на окнах, и тоненькие лучи, как паутинки, путались на длинных ворсинах черного ковра. Я приподнялась на локте и посмотрела на лежащего передо мной мужчину. Он спал...в той же позе, все так же раскинув руки и ноги.

Прекрасен, как бог, как самый невероятный соблазн или адский грех. Никогда не думала, что мужчина может быть настолько красив, настолько прекрасен, что от одного его вида захватывает дух. Иссиня-черные волосы, слегка влажные, прилипли к высокому лбу, ровные брови, точеный прямой нос, аккуратная щетина на щеках, чувственный алый рот. Нижняя губа чуть приподнята вверх, она такая же полная, как и верхняя. Руки сильные, накачанные, с рельефными бицепсами, чуть ниже локтей прямо к запястьям выются жгуты вен, бросила взгляд на грудь с отчетливо выделяющимися мышцами, перевела ниже к сильному животу, к полоске волос, уходящей от пупка вниз к паху, и судорожно вздохнула, увидев его член. Даже в спокойном состоянии внушительных размеров. Вся краска прилила к лицу, и щеки запылали от мысли, что он уже был со мной. На мне. Во мне. И я... я до безумия хочу еще.

Мне уже кажется, что того сказочного и невероятного раза не было...И в то же время я его отчетливо помню, настолько ярко, словно это было только что. А потом становится страшно, что я все это себе придумала. Протянула руку, коснулась волос на лбу, погладила прядь, отодвинула в сторону с глаз, коснулась костяшками пальцев скулы, щеки, провела кончиками пальцев по губам и подбородку, касаясь шеи. Какая горячая и гладкая у него кожа, словно шелк. Разве у мужчины может быть такая кожа? Ладонь погладила грудь и опустилась к животу и ниже по курчавости дорожки к паху. Хотела отнять руку, но тяжелая мужская ладонь схватила за запястье.

– Нравится то, что видишь?

Опуская ресницы тихо прошептала...

– Безумно...

– Продолжай!

Глава 4

Я никому не пожелаю такой любви. О такой страсти не слагают стихи, не пишут романы. Она страшная. В ней нет ничего возвышенного или прекрасного в обычном и нормальном понимании. Патология, порок, грязь, бешеное влечение на уровне инстинктов и одержимость. Но для меня она была самой прекрасной, волшебной, неземной, сумасшедшей – моя любовь к Нейлу, она же и моё самое страшное проклятие.

У. Соболева и В. Орлова. Позови меня

Его взгляд обжигает до костей, пронизывает так, что у меня замирает сердце. Двигает мою руку насильно вниз, вся краска приливает к моему лицу еще сильнее. Но я не сопротивляюсь, мне нравится ощущать его пальцы и эту властность... Наверное, я ненормальная, но понимание, что передо мной НЕ человек, почему-то сводит с ума еще сильнее. Как будто я удостоилась великой чести быть желанной иным существом. Высшим, сильным.

Моя ладонь накрыла его плоть, и я вздрогнула всем телом. Его глаза расширены, и мои распахнулись. Я не знаю, почему он весь подобрался и напрягся, но мне нравится это ощущение собственной власти, понимание, что его сводит с ума то, что я прикасаюсь к нему.

Член под моими пальцами стал тверже, окаменел, мне было страшно посмотреть вниз, потому что я ощущала, насколько он огромен. Вахид приподнялся на локтях, осматривая меня с ног до головы своими невыносимо зелеными глазами.

– Возьми его обеими руками и веди вверх и вниз...

Нас этому учили, как доставлять удовольствие. Нам показывали и рассказывали, что именно мы должны делать. Чтобы доставить хозяину наслаждение. Но одно дело слушать монотонный голос наставницы, а совсем другое – исполнить самой, когда перед тобой один из самых красивых мужчин во вселенной.

Стыдливо опустила взгляд и обхватила плоть обеими руками, повела высоко вверх, обхватывая ладонями головку и слыша, как с его губ сорвался глухой стон. Перехватил мою руку. Замер, прислушиваясь к себе, тяжело дыша.

- Еще! – гулким приказом, – Стань на колени и возьми его в рот!

Содрогаясь всем телом, выполнила приказ, склонилась над ним, уже глядя на огромный член в своих руках, на обнажившуюся ярко-алую головку, налитую кровью, под ладонями ощущаются переплетения пульсирующих вен. Ощутила, как пальцы императора зарылись в мои волосы на затылке, и как он властно наклонил меня ниже.

- Расслабься и прими его в рот.

Расслабиться не получается, потому что он огромен, и мне приходится открыть рот слишком широко. Резко наклоняет вниз, и его плоть упирается мне прямо в горло. Рука на затылке не причиняет боли, но и не отпускает. Тянет вверх за волосы, заставляя скользить вверх по стволу, и снова нанизывает на член. Вверх и вниз. И мне нравится шелковистость кожи, нравится ощущать солоноватый привкус и слышать, как каждый раз, когда мои губы причмокивают и двигаются вдоль его члена, он глухо стонет. Провела сбоку языком, оплетая плоть, и он захрипел, толкнулся вглубь моего рта сильнее. Все его тело дрожит, оно покрывается мелкими бусинками пота.

Рука двигает моей головой ровно настолько, чтобы руководить. Но...я понимаю, я ощущаю, что зверь сдерживается. Что это какая-то вершина айсберга. Вся мощь и адский напор бурлят у него в венах. На доли секунд по большому телу проходит волна дрожи, и я слышу уже знакомый треск...но он стихает, и я продолжаю ласкать дальше, увлеченная, сходящая с ума от понимания, что мне позволено касаться его плоти, что он у меня во рту и толкается мне в глотку ритмично, но не быстро. Мне хочется...хочется, чтобы ему нравилось, чтобы ему было хорошо, и я лижу головку, жадно втягивая ее в себя губами, касаясь кончиком языка маленького отверстия с перламутровой каплей, вбирая ее в себя и взрываясь от пошлого вкуса секса у себя во рту. Уже осмелевшая и такая...такая дерзкая, не похожая на себя. Потому что мне хочется дать ему все. Мне хочется его сожрать, проглотить, впитать в себя его запах. В ответ на каждое касание у самой между ног начинает пульсировать, и я чувствую, как набухают мои нижние губы, как твердеет клитор, и хочется им обо что-то потереться, чтобы унять зуд возбуждения. Я пьяная от страсти, у меня кружится

от нее голова.

– Твою мать! Как ты пахнешь! – захрипел, дернул меня наверх и опрокинул на спину, подминая под себя. Всматривается в мое лицо, в мои глаза, и я не пойму, чем он настолько ошарашен, ошеломлен. Тяжело дышит и, не отрываясь, смотрит мне в глаза. Наклоняется к моему рту и обводит мои губы кончиком языка, заставляя затрепетать и ощутить, как сильно потянуло низ живота. И вдруг его губы жадно сминают мои, язык впивается в мой рот, обвивается вокруг моего языка и трётся об него. Жадные мужские руки раздирают на клочки платье на груди и обхватывают мою спину, заставляя выгнуться, податься вверх острыми от перевозбуждения сосками и ощутить, как голодный мужской рот скользнул по шее вниз, кусая кожу, к ключицам, как обвел языком один сосок, потом другой и осатанело втянул их по очереди в рот. Мои глаза закатились, а покалывания между ног стали сильнее, ярче.

И я ощущаю его губы, они впиваются в мое тело, он лижет его. Он полностью вылизывает его сверху до низу. И мне кажется, что язык очень шершавый, длинный, от этого ощущения намного острее, и по коже высыпают ворохом мурашки, я вся наэлектризована, я дрожу и выгибаюсь, мои ноги распахнуты, и я ужасаюсь собственной бесстыжности...но не могу остановиться. С губ срывается умоляющее «пожалуйста».

И его рот накрывает мою плоть, от невероятного ощущения все тело пронизывает током настолько сильно, что я кричу, а когда наглый язык начинает быстро трепетать на самом кончике клитора, меня выворачивает, выгибает пополам, так, что голова запрокидывается назад, пальцы спиваются в ковер, а напряженные колени распахиваются еще шире. Этот сумасшедший язык скользит ниже, проникая внутрь меня, вбиваясь, как змея, вылизывая изнутри, и снова порхает на пульсирующем узелке, пока не ощущаю словно вакуумом горячность его рта, из меня выдирают, вытягивают, высасывают адский крик, и мне кажется, что я умираю, что моя кожа задымилась, а от наслаждения все тело свело судорогой и еще одной, и еще. Я сокращаюсь и кричу, громко, надсадно. Я ослепла и оглохла от удовольствия...а потом этот рывок внутри и дикая наполненность по самые края. С его хриплым рыком.

Замерла и распахнула глаза, встретившись с его взглядом. Бешеным, мрачным, звериным. Снова это напряжение. Я ощущаю его в воздухе, в наэлектризованности кислорода. Таким, что, кажется, каждая молекула вот-вот взорвется. Меня буквально разрывает его плоть, и эта наполненность

продлевает наслаждение.

– Я...могу сожрать тебя..., – хрипло шепчет он и хватает меня пятерней за лицо, – каждое мое движение может возродить зверя, и он не пожалеет тебя.

– Значит, я умру в твоих объятиях...не жалею!

И я умираю... не от боли, а от безумного удовольствия, от каждого толчка его плоти моя словно таяла от чувствительности, распятая под его телом, распластанная на ковре. Под бешеным натиском, под толчками, которые становились все быстрее, хаотичнее, невыносимей. Так, что я закатывала глаза и снова кричала. Его рот, его губы. Они лизали, кусали, метили мое тело. Оставляли следы на шее, на груди, на ребрах. И с каждым движением члена внутри меня я возносилась все выше и выше, пока снова не заорала, впиваясь в него ногтями, оплетая бедра ногами, ища его губы, чтобы кричать в них, задыхаясь от еще одного оргазма.

И вдруг...вдруг он останавливается, тяжело дыша, пытаюсь отстраниться, но я намертво держусь за него, мое тело еще дрожит, мои губы трепещут, и я вся мокрая после адской волны удовольствия.

Мои глаза распахнулись, встречаясь с его глазами. Он не просто задыхается, он хрипит, мотает головой, его мышцы словно вот-вот разорвутся.

– Зверь..., – стонет он и, не удержавшись, впивается ртом в мою грудь, сильно сжимая мои ягодицы, – он рядом...

– Я хочу...твоего зверя. Я хочу вас обоих!

И всем телом ему навстречу, поведя бедрами так, чтобы поглотить лоном его плоть. Срывается, стискивает меня обеими руками и бешено, быстро, невероятно сильно толкается так, что меня трясет, как тряпичную куклу. Я слышу его гортанный вопль, его рык. Вижу, как выгнулся назад, как напряглись все мышцы, как застыла мощная шея. Внутри меня выстреливает горячая жидкость, она заливает меня сочится по ногам, а я, как замороженная, смотрю на самое прекрасное и первобытное зрелище – на лицо своего любовника, ослепленное оргазмом, на то, как он прекрасен в этот момент чистейшего наслаждения. На секунду из-под кожи взметнулись иголки шерсти, на доли секунд глаза

вспыхнули фосфором и сузились зрачки. Словно я увидела тень волка, и она тут же пропала.

– Ты...ты сошел с ума! Ты...ты не понимаешь, что творишь, сын!

Ее трясло от негодования, трясло от непонимания, каким таким образом ее родной и любимый Вахид вдруг полностью вышел из-под контроля.

Никогда раньше политически важные решения он не принимал без нее. Она всегда и все знала и присутствовала на военном совете братства, но в этот раз сын пошел против матери. И все ради смертной, все ради какой-то человеческой девки, которая должна была оставаться просто эскамой. С самого начала у нее появилось это чувство, что девка опасна. С самого начала не понравились эти светлые глаза и тот...взгляд на Вахида. Такой, каким на него женщины еще не смотрели. Ревность любовницы ничто в сравнении с ревностью матери. Потому что плотская страсть проходит, потому что чувства и увлечения могут пройти. У любовницы. У матери никогда.

Уступить сына какой-то безродной суке, какой-то убогой человеческой шавке. Ни за что! Она костями ляжет, но не уступит ей своего сына.

– Я должен был спросить твоего разрешения?

Сделал шаг к ней, и в этот момент Роксана вдруг увидела его со стороны. Не так, как раньше, не так, как своего сына, а скорее, как императора, взошедшего на трон и удерживающего его уже долгие столетия. Увидела его величественным, жестоким и непреклонным в своих решениях даже по отношению к ней. И тут же сердце матери сжалось, как от его красоты, так и ото льда, которым от него повело. Льда по отношению к ней. Льда, которого раньше никогда не было.

– А ты? Ты спросила моего разрешения прежде, чем отдать мою...отдать эту женщину?

– Твою! Вот оно ключевое слово, сын! Никогда раньше никого ты не называл своей! Тем более жалкую эскаму!

– Да! Мою! Да! Я так ее назвал! И она больше не эскама. С сегодняшнего дня Лана будет моей личной фавориткой. Я хочу, чтоб у нее был свой штат слуг, хочу, чтоб ее покои были неподалеку от моих, и хочу, чтобы к ней относились с уважением. И если ты по-прежнему имеешь влияние в гареме, мама, то ты проследишь за тем, чтобы мои приказания были выполнены!

Фаворитка! Вот значит, как! Вот значит, как все далеко зашло. Каким только образом? Как? Она ведь должна была под ним сдохнуть? Почему она все еще жива? Что за чары? К какой ведьме обратилась эта сука? Надо ее переиграть, иначе все очень плохо закончится.

– Ты развязал войну с вампирами, сын. Вряд ли тебе сойдет с рук смерть такого количества их ищеек. Ты нарушил договор...

– Твой договор! Не помню, чтоб я с ними договаривался о продаже моей фаворитки!

– Об обмене! Прекрасном и честном обмене!

– Без моего ведома! – рявкнул и ударил кулаком по стене так, что она зажмурилась, и даже сердце зашлось. Впервые испугалась сына.

– Я не посмотрю впредь на то, что ты Архбаа, и сошлю тебя отсюда в Сархар.

– Меня? В Сархар?

– Да! Как предателя и заговорщицу! Не смей мешать мне, мама, не смей принимать решения вместо меня, я не хочу тебя наказывать и отлучать от себя, но ты меня вынудишь...

– Она помутила тебе разум!

– Это твой разум помутился, если ты идешь наперекор своему императору! Если ты пытаешься решить, с кем мне спать и что мне делать! И за моей спиной

строишь козни!

- Я... я хотела, как лучше!

- Для кого? Для кого лучше? Для тебя? Для Гульнары? Для кого? Здесь должно быть лучше только для меня прежде всего, и только мои решения самые важные! Ты за моей спиной заключила сделку, на которую я был не согласен. Из-за тебя мертвы около десяти вампиров!

- Будет война! - поджав губы, сказала она и отшатнулась назад, - Ты развязал войну!

- Мне нечего бояться! Клыкастые мне не страшны. Они слабее нас. Они немощны днем и неопасны для нас ночью. Мы сильнее и всегда были сильнее их.

- Да...пока князь братства не стал Нейтралом. И не просто нейтралом, а главой Нейтралитета, и теперь вампиры пользуются этим на всю катушку! Они сотрут нас в порошок. Если...Морт выделит хотя бы десять своих солдат - они уложат всю твою армию!

- Наши терки и разборки с вампирами не имеют никакого отношения к Нейтралам. Мы не нарушали закона.

- Правда? А разве смерть бессмертных не нарушение оного?

- Я разберусь! И никогда! Слышишь? Никогда больше не лезь не в свое дело, Роксана! Никогда!

Он резко развернулся и пошел к двери, не поцеловав ее руку и не попрощавшись с ней.

- Ты привез ЕЕ обратно в усадьбу?

Он не ответил, вышел из покоев матери, и слуги закрыли за ним дверь. На глаза Роксаны впервые за много лет навернулись слезы. Они обожгли веки и заставили метнуться к окну и распахнуть его настежь. Вдохнуть свежий морозный воздух и медленно выдохнуть.

Ничего, маленькая сучка, мы с тобой повоюем. Зря ты пытаешься мне помешать и стать важнее меня для моего сына. У тебя ничего не выйдет. Я объявлю тебе войну и сотру в порошок.

– Рамар!

Дверь распахнулась, и верная служанка Роксаны вбежала в покои, склонила голову, поцеловала руку архбаа.

– Позови ко мне Гульнару и проследи, чтоб ни единая живая душа не мешала нам. Чтобы никто не подслушивал.

– Да, моя госпожа. Конечно.

Рамар удалилась, а Роксана проглотила ком горечи и поправила рукава платья. В дом несли коробки, и слуги бегали туда-сюда. Обустраивают комнату этой дряни. Где это видано, чтобы эскама стала фавориткой? Это нарушение всех законов. Это...это позор для горных волков.

– Мама...

Обернулась и улыбнулась, увидев Гульнару. Фаворитке было позволено называть Роксану матерью. Рождение внушек давало такое право.

– Она...она вернулась!

Со слезами на глазах проямлила Гульнара и приникла губами к руке Роксаны. Вот эта девушка должна была стать достойной спутницей Вахида, и она родила ему дочерей и вскоре может родить и сына. Будь проклят день, когда эта славянская эскама вошла в их дом.

– Да...вернулась.

– И что делать? Ей выделены покои фаворитки, рядом с ЕГО спальней, сейчас ей отбирают слуг. Слуг для эскамы! Где это видано?

- Послушай меня! Хватит истерить!

Она схватила Гульнару за подбородок.

- Надо не ныть, а действовать. Ты должна родить ему сына, и тогда твой статус укрепится!

- Но как? Он не зовет меня к себе, он...

- Сделай так, чтоб позвал. Включи свое обаяние, придумай что-нибудь. Мне учить тебя, как привлечь мужчину? Когда-то он выбрал тебя из сотни других!

- Это было...но он давно не приходит...давно не смотрит на меня как раньше, эта ведьма с глазами льдинами, она его околдовала.

- Ведьма...

Роксана резко обернулась к молодой женщине, схватила ее за плечи.

- Надо идти к Заханаварре! Срочно! Она скажет, что делать!

- Нет! - Гульнара побледнела и отшатнулась от архбаа.

- Что за трусость?

- Заханаварра страшная черная ведьма, изгнанная из мира чанкров за....за нарушение законов.

- Значит именно она нам и нужна! - прошептала Роксана, и ее радужки стали ярко-зелеными, а зрачки вытянулись в вертикальные линии.

Глава 5

Заблудилась в себе, как в лабиринте. Нет ни одной двери, ни одного окна. Только извилистые пути, вымощенные битым стеклом, лезвиями, шипами, колючей проволокой, и все они ведут к нему. В его Ад. И я иду, с завязанными глазами, в кромешной темноте, мне слышны только удары моего сердца. Не могу остановиться. Истекаю кровью, режусь до мяса, натываюсь на стены, как слепой котенок, боюсь каждого шороха, но все равно иду, ползу, бегу.

У. Соболева и В. Орлова. Позови меня

В сокровищнице Братства всегда горел свет, а под стеклом красовались своим древним великолепием фамильные сокровища семьи Ибрагимовых. И среди них сияла знаменитая Волчья корона. Ее надевала на голову первая императрица клана. Анастасия...Никто точно не знал ее истории, но говорили, что она была избрана самым сильным императором из смертных, и первая, кто родила самого сильного альфу клана, потому что ее кровь была особенной и давала силы ликанам. Исцеляла, возрождала. С ней император стал могущественным, как Деус...Чье имя не произносят в мире бессмертных. Ему был не страшен хрусталь, верба, серебро. Ничто не могло повергнуть самого древнего Правителя клана, пока с ним рядом была его императрица. В честь нее была создана корона, украшенная драгоценными камнями в несколько ярусов. Рубинами и алмазами огромной величины. Отлитая из золота самой высшей пробы. Кроме той самой первой императрицы никто больше не надевал эту корону...потому что никто больше не становился на одну ступень с императором. Не имел такого могущества, как она, и не был настолько любим своим венценосным мужем.

Говорят, потом Анастасию убили, и власть императора пала, как и он сам. Но то всего лишь красивая легенда. Кто поверит в эти сказки, пришедшие в мир Братства из глубин истории.

Гульнара подошла к короне и тронула кончиками пальцев самый большой рубин посередине.

Она будет той, кто наденет эту корону снова...

Гульнара любила его с самого детства. С тех дней, когда впервые увидела на приеме в доме родителей. Полукровки редко удостоивались чести быть в числе тех, кого посещает императорская семья. Но родители Гульнары были приближенными и верно служили семье Ибрагимовых на протяжении нескольких столетий.

Гульнара не единственная дочь в семье. Она самая младшая. Старшие удачно вышли замуж за таких же полукровок, которые в свое время пополнили ряды воинов Великой стаи горных волков. Клана Королевской Крови. У горных есть три клана. Один высший и два клана ответвления. Янтарные волки и Хрустальные волки. Королевский клан – Обсидиановые волки (Черные), как их называли другие бессмертные.

Родители Гульнары принадлежали к клану Хрустальных волков. Они отдали свою дочь в гарем Вахида с одной единственной целью – породниться с императорским кланом, а со временем и принадлежать к нему. На Гульнару была возложена великая миссия – стать женой императора и родить наследника императорского клана, нового альфу, который может создать в свое время мощное ответвление, напрогноченное древней Заханаваррой, заточенной когда-то под землю самим бывшим главой Нейтралитета Думитру Курдом и приговоренной к вечному заточению, а затем получившей амнистию при смене власти и нашедшую пристанище в Братстве Горных Волков.

Гульнара влюбилась в Вахида с первого взгляда, едва он появился в их доме на приеме, и пронесла свою любовь сквозь года до самого совершеннолетия и отправки в гарем.

Она многого добилась – взошла на ложе императора, стала фавориткой, заменила в его постели многих других женщин и долгие годы была единственной, кто спал на его груди по утрам после обращения. Она подавала ему крепкий кофе в постель, она перебирала его красивые черные волосы, когда ему становилось тоскливо, и она родила ему дочерей. Все эти годы Гульнара жила надеждой, что станет в один прекрасный день императрицей, возглавит гарем и будет носить гордое имя – архбаа Гульнара Первая.

Но Вахид не предлагал сочетаться браком...Шли годы, и она не смела спросить когда, не смела требовать. Ее учили быть покорной своему императору, ее учили, что она не имеет права требовать. Только просить или умолять, а то и вовсе не докучать.

В мире бессмертных не настал 21 век. Это лишь вокруг все стало современным, сменились наряды, появились гаджеты, интернет, телевидение, самолеты и автомобили. Права женщин среди смертных стали иными...Но не в их мире. Там все оставалось точно так же, как много веков назад, иерархия, патриархат, диктатура и абсолютная власть мужчин, имевшие место испокон веков на Кавказе и Востоке.

Все это время Гульнара была счастлива. Насколько вообще может быть счастлива женщина в ее положении. Она купалась в расположении Вахида, ее уважала его мать Роксана, перед ней преклонялись слуги, ее боялись и чтили в гареме. Шкафы в ее комнатах ломались от дорогих платьев, украшений, золота, подарков, которые ей дарил, как сам император, так и приближенные к нему, как фаворитке и матери императорских дочерей. Двух княгинь королевского клана.

Оставалось только одно – родить ему сына, и тогда ее статус непременно изменится, и, возможно, император женится на ней. Гульнара умело устраняла возможных соперниц. И пусть в гарем каждый раз прибывали новые женщины, пусть иногда ее любимый венценосный мужчина спал и покрывал простых наложниц...никто из них не задерживался в его постели больше одного раза, а кого позвали во второй...Земля ей пухом. Гульнара умела позаботиться о том, чтобы слишком красивая наложница обожгла лицо, порезалась, осталась без глаз, отравилась, утонула в озере или попросту исчезла...сбежала, например.

Никогда в этом не могли заподозрить Гульнару. Для императора его любимая фаворитка всегда была кроткой, покорной и скромной. Всегда опустившей бархатные глаза в пол и смиренно с забвением целовавшей ему руки и кончики его обуви. Гульнара ни о чем не просила и всегда от всей души благодарила за подарки.

Но слуги, наложницы и все остальные приближенные ко двору Вахида прекрасно знали, какая она на самом деле, и что перейти дорогу Гульнаре означает неминуемую гибель, как в прямом, так и в переносном смысле. Преданные ей банахиры уничтожат врага.

Все пророчили ей в скором времени стать императрицей и относились соответственно.

Беда пришла откуда не ждали – никто и никогда не обращал внимание на самых жалких обитателей поместья. На эскам. Это отребье и самые низшие существа. Еда по сути, которая выполняет самую грязную работу и в любой момент может оказаться в столовой.

Для Гульнары они тоже были лишь кусками мяса...до того момента, как одна из них не посмела нагло посмотреть на императора. Гульнара увидела, КАК он на НЕЕ посмотрел. Как вспыхнули зеленые глаза, как дернулся чувственный рот и затрепетали ноздри. Красивая эскама. Выделяющаяся среди серой массы невероятными голубыми глазами и нежным лицом с тонкими чертами. Уже тогда внутри что-то кольнуло. Но Гульнара сказала себе, какой еще соперницей может быть для нее простая смертная эскама? Пусть даже и смазливая. Максимум, ее сожрут первее, чем остальных.

Даже когда она попала в спальню Императора, Гульнара, которая грызла себе ногти, металась, как дикий зверь по комнате, и не могла уснуть всю ночь, надеялась, что сучку раздерет на части, и уже утром ее, окровавленную, вынесут из спальни повелителя.

Но она выжила! Как? Каким таким образом? Что именно ее спасло? Что она за тварь?

Роксана даже не знает, что Гульнара уже давно побывала у ведьмы. Еще с той первой ночи. Заханаварра, жуткая и непредсказуемая старая сука ждала ее в лесу, потом провела к себе в небольшой домик на окраине горной деревни, где слилась с деревенскими жителями и старалась не привлекать к себе внимание. И никто не знал на самом деле, что ведьме уже больше нескольких веков, и она повидала Высших мира сего. И на самом деле способна уничтожить все живое одним только заклинанием.

Но...она вышла из темницы, где провела несколько столетий, прикованная цепями к стене, с одним условием – никакого черного колдовства, никакой связи с потусторонним миром. Морт лишил ее всех сил. Только белая магия, гадания, пророчества, позволяющие прожить и прокормиться. И соблюдение маскарада. Иначе она вернется обратно под землю уже навечно и будет мечтать о смерти. Он отправит ее туда...Нейтрал с жуткими мертвыми глазами. И никого старая ведьма не боялась больше, чем его. Потому что сама смерть жила внутри этого жуткого существа, возрожденного из недр самой адской тьмы.

Гульнара тогда вошла в хижину старухи, где пахло травами, лекарствами и...чем-то потусторонне темным. Хотя с виду дом казался светлым, чистым, выкрашенным в белые цвета, с кружевными шторами на окнах, а сама Заханаварра или Заха Наварра. Никто не знал, как правильно называть ведьму...Она откликнулась на имя Заха и Наварра.

- Зря пришла, Гуль. Ничем не помогу.

- Почему?

Уже с порога сказала ведьма и отпила из чашки душистый мятный чай. На вид похожа на самую обыкновенную деревенскую старушку в невзрачной одежде с седыми волосами, собранными под цветастый платок. Только глаза черные, глубоко посаженные, жуткие. Гульнара знает, какой бездной мрака они могут становиться, эти страшные пустые глазницы, как исчезают зрачки и появляются две ямы на испещрённом рытвинами и бородавками лице.

- Потому что простая магия тебе не поможет, а черной я не занимаюсь. Зря пришла. Уходи.

Гульнара прикрыла за собой дверь и медленно выдохнула.

- Я щедро заплачу.

- Чем ты можешь мне заплатить? Золотом? Мне оно не нужно.

- Звездной пылью...

Тихо сказала Гульнара, и черные глаза плотоядно заблестели. Все знали, что звездная пыль возвращает и регенерирует ведьминские физические и духовные силы, возрождает красоту и молодость, продлевает жизнь, спасает от смерти.

- Где ты ее возьмешь, любовница Императора?

- Найду...есть варианты.

- Когда найдешь, тогда и приходи.

Ведьма пожала плечами и снова отпила из чашки.

- Не веришь?

- А с чего бы мне тебе верить? Все знают, кто ты. Я не Вахид, меня обманчиво кроткими глазами не проведешь. Лживая, опасная, злобная змея.

- Знай своё место, старуха! - прикрикнула Гульнара, но тут же сжалась под взглядом ведьмы.

- Для тебя могу сделать исключение...Гуль...и, например, сделать твою дырку размером со Вселенную. Так, чтоб там пролетали все пять членов твоего короля. Чтоб он с тобой не испытал ничего кроме бесконечной пустоты. Ахназар...кавыя...ирх...

Губы женщины зашевелились.

- Прости... - взмолилась и упала на колени, сунула руку за пазуху, достала кольцо, выковыряла из него камень и сыпанула пару крупиц пыли на ладонь. - вот... у меня есть немного. Но я знаю, где взять еще, и возьму. Только помоги мне.

Ведьма наклонилась к ладони Гульнары, посмотрела на крупички, потом принесла лист бумаги, осторожно собрала пыль туда, завернула и бережно спрятала в потайной ящик над кухонной плитой.

- Я лишена своих сил. Эти две крупички вернут немного... и то ненадолго. Принесешь еще, и смогу помочь. Пока что скажу, что соперница твоя скоро исчезнет...но я не могу больше ничего гарантировать. Потому что вижу будущее, но очень близкое. Далекое для меня теперь закрыто. Морт отнял у меня все силы. Я теперь разве что могу гадать на картах Таро и слать легкие проклятия.

- Помоги мне дать императору сына...

- Принеси мне побольше пыли, и я помогу тебе взойти на престол.

Сказала старуха и улыбнулась, провела раздвоенным языком по губам, и Гульнара вздрогнула.

- Принесу...

Провела пальцами по сверкающим камням, встроенным в острые шпильки на роскошной золотой короне. Кроваво-красные, они переливались в лучах искусственного цвета. Ничего, придет это время, и она, Гульнара, наденет эту корону и станет править Братством вместе с Вахидом.

Осталось только достать пыль, и Роксана должна ей в этом помочь. Вместе они навсегда избавятся от славянки и не дадут ей стать фавориткой Вахида. А старая ведьма поможет родить наследника.

Глава 6

У слов не бывает срока давности. Они врезаются в нашу память и пускают там корни навечно. Со временем их заносит листва других фраз, значимых или совершенно незначительных, брошенных нами или сказанных нам другими, но сильным ветрам вполне под силу закружить засохшие листья и раскидать их в стороны, позволяя не просто вспомнить, а почувствовать. И если вы никогда не чувствовали слов любимого человека, то значит, вас никогда и не любили

У. Соболева и В. Орлова. Позови меня

За мной приехали прямо в офис. Двое в черном. Высокие, с одинаковыми лицами. Как братья-близнецы. Я их учуял еще до того, как они поднялись по лестнице, соблюдая маскарад и поддерживая видимость субординации. В моем концерне работают в большинстве своем смертные. Я уже представил их лица, когда перед зданием затормозили три правительственные машины с тонированными стеклами, и из них вышли вот эти роботы, которые всей своей сущностью

подавляли и внушали суеверный ужас тем, кто даже не предполагали, кто они такие на самом деле.

Боялся ли я? Когда живешь на свете более пятисот лет, и каждую ночь этой жизни твое тело в буквальном смысле выворачивает наизнанку, а кости дробит и выламывает так, что от боли ты буквально теряешь сознание, то уже на х*й ничего не страшно. Я не помню, что он означает – страх. Что именно испытывают, когда боятся...Точнее, не помнил до того самого момента, пока не испугался, что потеряю свою женщину.

Я сам открыл двери личного кабинета, впуская две черные фигуры и глядя по очереди в лица каждого из них.

– Проходите за нами.

Замерли в ожидании, готовые в любой момент заставить меня выйти, обездвижив одним взглядом. Их не волновали ни мой страх, если бы он был, ни безразличие. Нейтралы – это те существа, в которых нет никаких эмоций. Они напрочь отсутствуют и вытравлены годами долгих тренировок. У них нет семей, нет родных, а если когда-либо и были, то каждый из них принес клятву отречения, и, если получит приказ вырвать сердце своей матери или отца – сделает это без колебаний. Власть в Нейтралитете не так давно сменилась. Произошел переворот, и Вершитель по имени Морт захватил правление Нейтралитетом в свои руки. Говорят, что истинной властью его наградили те, чьи имена в нашем мире не произносятся. Деусы. Если бы мы были смертными, мы бы назвали их Богами, а точнее, дьяволами. В венах нейтралов текла их кровь, а так же кровь всех смешанных существей этого мира. Всех...кроме горных волков. Но это ничего не меняло для нас. Нейтралы были опаснейшими и всемогущественными.

Те, кто посчитали, что Морт менее опасен, чем Курд, только потому, что имеет семью, детей и связан кровными узами с королем братства вампиров – очень сильно ошиблись. В слабости иногда таится самая жуткая сила. Морт изменил законы и сделал свою жену и своих детей неприкосновенными и такими же могущественными, как и он сам. Внутри Нейтралитета появился клан. Опасный, сплоченный, являющий собой правящую династию.

И если раньше высший Парламент избирал нового правителя Нейтралов, то теперь подобные полномочия перешли именно к Морту, а он сделал так, что только члены правящей семьи имеют право взойти на трон Нейтралитета.

И сейчас я точно знал, что меня везут к нему, к самому жуткому ублюдку, которого когда-либо знали бессмертные. Я знал, что могу больше никогда не вернуться обратно после этой встречи.

Автомобили нейтралов перемещались силой их мысли точно так же, как и они сами, и уже через несколько секунд правительственные джипы мчались по горной, узкой дороге куда-то вверх, к огромной серой стене, величиной в десять человеческих тел, поставленных друг на друга, с мерцающими издали голубыми разрядами лазерных вспышек. Ворота открылись автоматически, пропуская кортеж и закрываясь бесшумно за нами.

Дальше был пропускной пункт. Меня не обыскивали, только просканировали взглядами и пропустили, дальше взяли за плечи, и уже через мгновение я стоял в кабинете самого главы Нейтралитета.

Внутри появилось неприятное ощущение и некое едва уловимое дуновение смерти. Настолько физически осязаемое, что по телу невольно прошел холодок. Морт сидел в кожаном кресле, откинувшись на спинку и...можно сказать, немного ломал стереотипное представление о себе, как о вытянутом в струну бездушном роботе с пустыми глазницами и выражением лица, как у мумии под бинтами. Нет, он курил сигару и в другой руке держал бокал с янтарной жидкостью, и я улавливал запах дорогого и охренительно превосходного виски.

Но видимость некоего расслабона была явно обманчивой, потому что дуновение смерти никуда не делось, и оно буквально обволакивало сидящего в кресле мужчину. В его иссиня-черных волосах змеились серебряные нитки седины. Что было весьма странно для существа, которое в принципе не стареет. А когда он посмотрел на меня...то смерть не просто подула мне в затылок, а впиалась своими щупальцами мне прямо в сердце. У Морта отсутствовала радужка, а точнее, она сливалась с белком и была мертвенного серо-белого цвета, как бельмо. Наверное, именно такие глаза могли быть у самой смерти.

– Десять, – голос Морта прозвучал в тишине очень отчетливо, и я бы вздрогнул, если бы реально умел испытывать страх, но я, скорее, весь подобрался, готовый

к чему угодно. – Сто лет заточения в лучшем случае приговором суда Нейтралитета. По десять лет за каждого бессмертного. Или по одному пальцу на руках...но так, что они больше никогда не отрастут ни в человеческом облики, ни в волчьем. Или же смерть...Самый худший расклад.

Отпил свой виски и затянулся сигарой.

– Вы предлагаете мне выбрать?

– Нет...ни о каком выборе не было и речи. Я лишь озвучил каждый из трех возможных приговоров за смерть вампиров.

– Закон предусматривает возможность самозащиты.

– Разве вампиры на вас напали?

– Они увезли то, что принадлежит мне!

Сказал и посмотрел прямо в белесые глаза Морта. На доли секунд все мое тело похолодело, но я сбросил попытку проникновения в сознание. И он удовлетворенно усмехнулся. Мы оба знали, что если он захочет, то легко взломает мое сознание и начнет считывать все, что ему нужно.

– Разве сделку насчет деусталов не заключили вы сами, ваше императорское Величество?

Он произнес это издевательски, и я ощутил прилив адреналина и тихий рокот оживающего волка внутри. Мысленно усмирив зверя. Сейчас не самое лучшее время для стычки с нейтралитетом.

– Я говорю не о Деустале, а о женщине!

– Ваша мать. Роксана Ибрагимова. Архбаа вашего Братства заключила сделку с Королем вампиров. Деустал и женщина.

– Эта сделка была совершена за моей спиной и без моего ведома.

Снова усмехнулся и покрутился вместе с креслом, сбивая пепел в пепельницу в виде черепа из белого золота с мерцающими красными глазницами.

- Грош цена императору, за спиной которого заключаются сделки.

Я бы предпочел, чтобы мне отрезали палец, чем ткнули мордой в дерьмо. Справедливо ткнули. Перед глазами возникли картинками ошметки тех, кто вывозили Лану за пределы поместья и передавали в руки вампирам. Но самым главным зачинщиком была моя мать...пока что я не был готов причинить ей боль. Я ее любил.

- Виновные были наказаны. А я пришел забрать то, что являлось моим. Вампиры обнажили хрустальные мечи...так что в любом случае там были бы трупы. Я предпочел, чтобы это были не трупы моих воинов.

- Допустим, это правда...хотя у меня иные сведения. Допустим, дело не дойдет до суда. Вы намерены соблюсти все пункты договора?

- Нет!

Вскинул голову, и улыбка исчезла с его надменного, и я бы даже сказал, красивого бледного лица.

- Эта женщина принадлежит мне! Она - моя фаворитка, и по закону - не выйдет из гарема, разве что только мертвой.

- Гарем..., - губы Морта снова растянула ухмылка, - императоры горного Братства неплохо устроились.

- Это наши обычаи, и не нам с вами их обсуждать.

- Вашу дерзость спишу на то, что вы у нас особь королевской крови. Девку можете оставить себе, но Деусталы придется отдать.

- Деусталы?

- Да, вы отдадите королю вампиров еще один деустал. И дело не дойдет до суда. Ведь за самозащиту никто осуждать не станет, тем более, когда есть свидетели.

Отдать два деустала означало значительно ослабить могущество нашего Братства. Означало дать непомерную силу своим врагам, как и возможность воскрешать... Любого из бессмертных. Древним законом было запрещено извлекать деусталы из сокровищницы, они никогда не покидали границ горной сокровищницы.

- Если деустал будет использован не по назначению, в наш мир может ворваться тот, чье имя произносить нельзя.

- Это уже не ваша проблема. Так что вы скажете, Вахид Ибрагимов? Вы заключите сделку со мной лично? Деустал в обмен на женщину.

- Да!

После каждого нашего с ним секса я любила подолгу любоваться оставленными на мне следами. Рваными дырками на своей шее возле ключицы, которые очень быстро затягивались и исчезали уже буквально к вечеру. Он пил меня в момент, когда я готова была отдать ему свою жизнь и всю себя. Впивался в мое тело своими клыками и делал несколько жадных глотков. Мы оба знали, что это гарантирует мне жизнь...при условии, если он остановится. И не сожрет меня.

Это было некое мазохистское наслаждение, темное упивание тем, что я удостоилась чести испытывать на себе звериные ласки моего хозяина. Нет, он оставался со мной человеком...насколько это вообще можно сказать об этом хищнике. И эти следы - постоянные доказательства его страсти и моей неестественной и дикой любви к моему монстру. Но мне было все равно. Я слишком сходила с ума, я слишком жаждала принять от него все, что он мог мне дать и взять, выдрать из меня адскими ласками, на которые человек вряд ли способен.

Этим вечером он придет ко мне? Каждый раз один и тот же вопрос. Как скоро окончится мое счастье? Как быстро я надоем властному императору горных волков? Когда он насытится моей плотью, и я стану для него отработанным материалом? И смогу ли я это пережить.

Я жила в роскошных покоях рядом с ним. В таких роскошных, что каждый раз мне не верилось, что я могу соприкоснуться с таким богатством и не запачкать его своей простотой. Достояна ли я? На своем ли я месте. Грязнокровка, человечка, существо низшей расы. Так говорили у меня за спиной...в глаза никогда бы не посмели. Потому что слишком боялись ЕГО.

Из жалкой эскамы я стала фавориткой императора. Утренняя и вечерняя ванна в гранатовой воде с лепестками роз и шиповника, уход за волосами и полное отсутствие душистого мыла. Только без запаха и каких-либо ароматизаторов. Вахид любил целостный запах моего тела, он отдал приказ мыть и купать меня только нейтральным мылом из солевых минералов, привезённых из далеких арабских стран.

Меня наряжали в самые невероятные и дорогие наряды, украшали подаренными им ожерельями, браслетами, серьгами. Каждый день новый подарок. Каждый раз новая коробочка с изысканным украшением. Часто он приносил их сам, надевал на меня, лишив всей остальной одежды и любуясь, как смотрятся драгоценности на голом теле...ласкал ими, обвивал ими мои ноги, скользил по промежности...заставляя орать от наслаждения и кончать в адских муках острейшего удовольствия.

Я больше не была эскамой. Меня вознесли достаточно высоко, для того чтобы я наконец-то ощутила себя особенной. Никто и никогда до меня не занимал такого положения при государе. Под дикими и полными злобы взглядами других наложниц, под ядовитый шепот в спину и презрительно ненавидящий взор Гульнары и ее дочерей. Они все мечтали о моей смерти или о скором падении с пьедестала. Я и сама...сама ждала, что это слишком прекрасно, чтобы длиться долго. Быть любовницей самого императора, быть его женщиной, оставаться в его спальне до самого утра и знать, что он остро во мне нуждается, потому что моя кровь дала ему то, что не смог никто до меня – возможность оставаться человеком по ночам и не испытывать мучительной боли от обращения.

С составом моей крови работали приглашенные им врачи, профессора и ученые. Они искали тот ген или тот состав молекул, который отвечает за

торможение обращения и обезболивание процесса. Они должны были воссоздать синтетическую копию, но вот уже несколько месяцев у них ничего не получалось. Все это время я была в его комнате, в его постели, спала на его груди.

И испытывала адский страх, что рано или поздно мое счастье окончится, что рано или поздно я упаду с этой высоты и разобьюсь насмерть. Мне будет больно. Так больно, что я задохнусь от шока. Я не выживу, когда Вахид Ибрагимов перестанет испытывать ко мне страсть и влечение. И каждый раз с ним я отдавалась ему как будто в последний, каждый раз я дарила всю себя и немного больше, чтобы постараться остаться, если не в его сердце, то в его памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/volch-ya-korona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)